© 2021 г.

В.Л. ШУЛЬЦ, Т.М. ЛЮБИМОВА

РОССИЙСКИЙ СОЦИУМ И ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ШУЛЬЦ Владимир Леопольдович – член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (cona01@yandex.ru); *ЛЮБИМОВА Татьяна Михайловна – доктор философских наук, кандидат филологических наук* (t.ljubimova@yandex.ru). *Оба – Москва, Россия.*

***Аннотация**. В статье анализируются социальные причины снижения качества современного русского языка (в частности поляризация и радикализация общества), приводятся различные формы языковой агрессии (нецензурная брань, инвективная лексика) как языковые реалии, информирующие о жизни общества. Как одна из особенностей языкового существования современной России рассматривается радикализация детской речи в естественной языковой среде. Затрагивается проблема лингвистической безопасности личности, общества и государства. Показывается, что лингвистическую угрозу несет в себе логосфера, окружающая современного русскоязычного человека, охватывающая немалую часть социального пространства, состоящего из ложных конструктов, симулякров, перевернутых фреймов, политических мифов. Констатируется феномен современного западно-российского дискорданса как несостоятельность диалога цивилизаций, в основе которого – неэквивалентность политических структур и социальных механизмов двух типов общества, и анализируется одна из составляющих этого феномена – феноменология современного российского протеста в его отличии от западного.*

***Ключевые слова:** поляризация общества • радикализация общества • межкультурная коммуникация • социальный протест • инвективная лексика • нецензурная брань • лингвистическая картина мира • девальвация языка • языковая агрессия • лингвистическая безопасность • интралингвистический дискорданс*

DOI: 10.31857/S013216250011915-9

Известный российский филолог Г. Гусейнов не так давно преподнес российскому обществу новую шоковую терапию, посетовав, что в Москве «невозможно днем с огнем найти ничего на других языках, кроме того убогого клоачного русского, на котором сейчас говорит и пишет эта страна»[1]. «Врачевать» скандальную ситуацию взялись многие, в том числе авторитетный русист М.А. Кронгауз, который предположил, что пост Г.Ч. Гусейнова «был провокационный и тем самым рассчитанный на осуждение»[2], т.е. был запущен скрытый панегирик русскому языку под маской явной инвективы.

В своем выступлении на заседании Совета при президенте по русскому языку В.В. Путин назвал хулителей русского языка «пещерными русофобами», а «уникально богатый,

[1] Профессор из ВШЭ назвал свой пост об убогом русском языке вершиной карьеры // Lenta.ru. 2019. 5 ноября. URL: https://lenta.ru/news/2019/11/05/guseinov (дата обращения: 07.11.19).

[2] Максим Кронгауз: Я ничего не писал по поводу поста Гасана Гусейнова... Однако ситуация изменилась // Эхо Москвы. 2019. 4 ноября. URL: https://echo.msk.ru/blog/echomsk/2531259-echo/ (дата обращения: 11.11.19). М.А. Кронгауз является автором монографии «Русский язык на грани нервного срыва» (М.: Языки славянской культуры, 2007). – *Прим. авт.*

многообразный, многогранный русский язык», который «служит основой духовно-исторической общности десятков самобытных культур и народов», причислил к мировому культурному наследию[3]. По его мнению, в некоторых странах объявление войны русскому языку «становится вполне официальной государственной политикой». Таким образом, президент России по сути сообщил о том, что русский язык вступил в войну с международной коалицией языков и что Россия отныне ведет лингвистические войны.

Как известно, лингвистическая война – это одна из форм новой, неконвенциальной («гибридной»?) войны. В современном мире политическая, экономическая, идеологическая борьба может латентно протекать под маской лингвистических войн. Французский исследователь Ш. Дюран в книге «Французский язык: козырь или препятствие» раскрывает эту транслингвистику современного мира на примере противоборства между английским и французским за мировое господство [Durand, 1997]. Как показывает он, англоязычные страны нередко используют против своих соперников агрессивные технологии, которые заключаются в дискредитации французского языка, в вытеснении его английским на территории африканских и азиатских стран, в попытках вбить клин между местными языками и французским путем «выпячивания» его чужеродной природы. Тем же народам, которые еще рассматривают французский язык как полюс притяжения, американцы не колеблясь предрекают закат и даже гибель национальной культуры. В свою очередь, Ш. Дюран наносит англоманам ответный удар, развенчивая пять традиционных «мифов» об английском языке (английский – это не латынь современности и не эсперанто и т.д.).

Действительно, согласно многим прогнозам в середине XXI в. может наступить планетарный экологический и социальный коллапс. В настоящий момент в невыигрышном положении оказывается ряд западных стран, возможность самообеспечения которых за счет собственных ресурсов крайне ограничена. Ресурсодефицитом во многом обусловлена борьба этих стран «за великие экономические рынки будущего» – борьба ведется в том числе лингвистическими методами. Однако для России с ее географической самодостаточностью великие экономические рынки пролегают скорее по внутреннему, а не по внешнему контуру ее границ, они не завоевываются экспансионистской лингвистической политикой, а удерживаются скоординированными усилиями, направленными против дезинтеграции российского пространства; лингвоактивизм носит скорее центростремительный, не центробежный характер. Естественно предположить в этой связи, что языковая политика России как форма участия государства в формировании национального проекта должна быть сосредоточена в основном на внутренних аспектах функционирования русского языка. Возможно поэтому поставленная президентом РФ задача «сформировать активную и целостную языковую политику, которая обеспечит сохранение и развитие русского языка»[4], включила преимущественно внутренние ориентиры русофонии: 1) «повышение качества подготовки профильных педагогов образовательных организаций всех уровней»; 2) «культура русского языка в российской медиаотрасли, включая цифровое пространство»; 3) правовое обеспечение развития русского языка, включая анализ соответствующих норм действующего законодательства (ФЗ «О государственном языке РФ», ФЗ «О языках народов РФ») и внесение в них коррективов; 4) создание межведомственной комиссии по русскому языку; 5) подготовка единого корпуса словарей, справочников, грамматик, содержащих нормы современного литературного русского языка. Позднее президент России утвердил поручения по итогам заседания Совета по русскому языку, в частности, поручив правительству издать правовой акт, предусматривающий утверждение норм современного русского литературного языка[5].

---

[3] Заседание Совета по русскому языку // Президент России [официальный сайт]. 2019. 5 ноября. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/61986 (дата обращения: 05.11.19).

[4] Там же.

[5] Перечень поручений по итогам заседания Совета по русскому языку // Президент России [официальный сайт]. 2020. 1 марта. URL: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62918 (дата обращения: 14.09.20).

Однако при всей диверсификации мер, направленных на совершенствование русского языка, создается впечатление, что этот сценарий «глобальной конкурентоспособности и притягательности русского языка» – не более чем эффективный топ-менеджмент, то есть попытка решить внутренние, сущностные, матричные проблемы языкового бытия и развития внешним и формальным путем. И причина подобной мутации «заключается в том, что у нас форму всегда принимают за сущность, а модный костюм – за европеизм» [Белинский, 1981: 373]. Современный русский язык болен; «можно сказать, что современный русский язык поражен по всем пунктам» [Рождественский, 1995: 118], его оздоровление требует не столько средств наружного применения, сколько внутреннего лечения, ибо язык всегда несет в себе дух народа, «тайну народной психеи» [там же: 370]; любой язык, даже когда «описывает совершенно сторонний мир, глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа»[6]. Языковая картина мира отражает состояние жизни народа, а народ все еще находится под влиянием «шоковой терапии», которая, утверждает в полемической форме С.Г. Кара-Мурза, привела к постепенному разрушению культурного ядра советского народа: «Был произведен демонтаж исторической памяти, причем на очень большую глубину, разрушен универсум символов, скрепляющих национальное сознание, испорчен язык и внесен хаос в шкалу ценностей и ориентиров для различения добра и зла» [Кара-Мурза, 2007: 10]. То есть путем демонтажа центральной матрицы мировоззрения произошло рассыпание народа, и русский язык как основа интеграционных процессов внутри российского общества и на всем постсоветском пространстве не смог процесс распада остановить.

Адекватное понимание этой диалектической взаимосвязи языка и народа/народности, взаимодействующих по принципу сообщающихся сосудов, содержится в некогда культовой статье И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», полемически направленной против учения о языке Н.Я. Марра, хотя понятно, что языковая концепция И.В. Сталина не может сегодня «полностью удовлетворить товарищей»[7]: «Стоит только сойти языку с этой общенародной позиции, стоит только стать языку на позицию предпочтения и поддержки какой-либо социальной группы в ущерб другим социальным группам общества, чтобы он потерял свое качество, чтобы он перестал быть средством общения людей в обществе, чтобы он превратился в жаргон какой-либо социальной группы, деградировал и обрек себя на исчезновение».

Качество русского языка катастрофически снизилось в годы перестройки и реформ именно из-за поляризации общества до антагонистических величин. Для современного рыночного социума можно вывести формулу прибавочной стоимости, которая включает, дополнительно к марксистской, как минимум четыре составляющие эксплуатации труда [Шульц, Любимова, 2019а]. С эксплуатацией труда связано невиданное расслоение российского общества. Как показали исследования ведущих экономистов, по уровню неравенства распределения богатства (коэффициент Джинни) Россия опережает любую другую крупную страну [Гуриев, Цывинский, 2012]. Иными словами, за исторически сверхкороткий срок Россия превратилась из мирового лидера по *равенству* распределения доходов между своими согражданами в мирового лидера по *неравенству*, по разрыву между богатыми и бедными.

Поляризация общества неизбежно влечет за собой его *радикализацию*. Но ведь о жизни общества информирует язык: язык отражает мир, не являясь, однако, зеркальным отражением объективных реалий мира в духе монад Г.В. Лейбница. Отражение языком мира – это не плоское изображение, а трехмерная модель, измерениями которой являются: 1) объективные параметры реальности в конкретно-чувственной синхронной форме, 2) субъективная рефлексия как ментальная операция обработки поступающей информации,

---

[6] С. 51. *Гоголь Н.В.* Несколько слов о Пушкине // *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. в 14-ти т. Т. 8. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952.

[7] *Сталин И.В.* Марксизм и вопросы языкознания // Правда. 1950. 20 июня.

3) конвенциональные стереотипы и архетипы как опыт предшествующих поколений, растворенный в языке априорно [Шульц, Любимова, 2019б: 23]. Отражая объективный мир через призму субъективного мира каждого речедеятеля, который и становится компонентом языкового универсума, язык *радикализируется* вместе с обществом.

Радикализация языка, будь то нецензурная брань, инвективная лексика и другие формы языковой агрессии, проявляется и на уровне личности (искажение информационной картины мира современного человека, которая создается вербальными средствами; нарушение защитных механизмов сознания при восприятии бранной, обсценной лексики), и в масштабах общества и государства (девальвация статуса языка как основы государственности, инструмента интеграции социального пространства, механизма культурной преемственности народа). Четверть века назад филологи-русисты отмечали ряд негативных моментов, сопряженных с функционированием русского языка: стилистическая и фонетическая ущербность речи культивируется в средствах массовой информации; снижение словесно-эстетического качества литературы за счет формирования обширного рынка развлекательной литературы; широкое распространение уголовной лексики и сленга; засилье англицизмов; смещение семантики целых лексических пластов в связи с переосмыслением традиционных ценностей; отставание в самом ядре новейших языковых технологий, таких как компьютерная речь; сокращение персоналистического фундамента русского языка, то есть русскоговорящих, – в России, на постсоветском пространстве и в мире [Рождественский, 1995: 118]. За истекшие годы были предприняты, казалось бы, немалые усилия по возрождению чистоты и правильности русского языка, по защите его прав и прав русскоговорящих. В частности, приняты «Закон о государственном языке Российской Федерации» (2005) и «Закон о внесении изменений в статью 4 Закона РФ "О средствах массовой информации" и статью 13.21 Кодекса РФ об административных правонарушениях» (2013), более известный как Закон о нецензурной брани в СМИ. Однако первому из этих законов суждено было стать явлением декларативным: очевидно, он не создал юридический механизм оздоровления бытовой русской речи, в которой именно за последние годы обсценная (матерная) лексика стала привычным способом связи слов между собой, а «дыр бул щыл»[8] наукообразных англицизмов препятствует адекватному пониманию смысла даже в среде образованных людей. Лимитационный характер второго закона (действие его ограничено относительно благополучным массово-информационным пространством, фильтруемым от самотека) не способствует сохранению душевного равновесия и защите нравственного самочувствия русскоговорящих в естественной языковой среде [Любимова, Данилова, 2014: 332].

Уникальность языкового существования современной России заключается в том, что в естественной языковой среде *радикализируется* не только взрослая, но и детская речь [Шульц, Любимова, 2019б: 12–13]. Выдающийся швейцарский исследователь психологии ребенка, создатель теории когнитивного развития Ж. Пиаже утверждал, что от социальной среды зависит сама структура мышления ребенка (индивида) [Пиаже, 1932: 55–56]. Советские исследователи (Л.С. Выготский), правда, считали, что Ж. Пиаже преувеличил роль социализации в развитии сознания и языка, «видит в социализации единственный источник развития логического мышления» и недооценивает, во-первых, роль симпрактической деятельности в процессе онтогенеза (для него «ребенок непроницаем для опыта») и, во-вторых, значение синкретизма, «который руководит детской мыслью, когда она движется в сфере, оторванной от опыта» [Выготский, 2002: 311], помогая понять сложные явления мира по аналогии с простейшими формами пережитого и становясь прообразом будущих причинных связей. Если переформулировать мысль Л.С. Выготского, сократив слова, получится, что основополагающим фактором развития ребенка, его сознания и речи является активное воздействие действительности. Но психоанализ, на который во многом опиралось учение Ж. Пиаже, этого воздействия не отрицает, а в максимальной

[8] Начало стихотворения поэта-футуриста А.Е. Крученых.

мере его учитывает, в том числе в форме скрытого травмирующего фактора, вытесненного сознанием ребенка на подсознательный уровень. По сути, две модели развития сознания и формирования речи, предложенные психологией (*с одной стороны*, «от аутизма, от миражного воображения, от логики сновидения к социализированной речи и логическому мышлению, переваливая в своем критическом пункте через эгоцентрическую речь», и *с другой* – «от социальной речи ребенка через перевал его эгоцентрической речи к его внутренней речи и мышлению» [Выготский, 2002: 297]), которые противопоставляются как полярные подходы эвристики, едины в признании активности и значимости воздействия социума на становление личности и ее речи. «Действительное движение процесса развития детского мышления совершается не от индивидуального к социализированному, а от социального к индивидуальному – таков основной итог как теоретического, так и экспериментального исследования интересующей нас проблемы» [там же: 298]. Этот категорический вывод не умаляет значимости социального для обеих динамических моделей. Единственное существенное различие заключается в том, что для советской психологии социальный фактор в динамике развития личности имеет подчеркнуто деятельностный характер и практическую реализацию.

Учитывая процесс социализации детской мысли, можно утверждать, что языковая агрессия, и прежде всего детская нецензурная брань, отражает экстремальную радикализацию российского рыночного общества – общества постсолидарности и постсправедливости. В этом апокалипсисе именно детские уста, легко и свободно владеющие матерным языком, выносят этому обществу совсем не сказочный вердикт: «А король-то голый». Если провести вульгарный социологический эксперимент и отправиться в общественные места отдыха той части российского населения, которая в результате реформ «оказалась не на лучшей стороне биополитики» [Бросса, 2003: 84], придется констатировать, что повседневные речевые практики горожан и жителей сельской местности осуществляются в значительной мере на матерном языке, а среди детей и подростков от 8 до 17 лет такого рода речевой жанр занимает значительную часть общего языкового континуума. При этом парадоксален факт, что матерные инвективы (по сути проклятье матери в наиболее циничной и скабрезной форме) произносят дети того возраста, когда в детской психике еще не намечается неизбежное, возрастное дистанцирование от родителей, когда не перерезана интеллектуальная и эмоциональная «пуповина» с матерью. Поэтому подобная коммуникативная практика для ребенка саморазрушительна. Через язык, через «языковой хаос» идет саморазрушение личности, общества, культуры.

Таким образом, поставленная президентом России проблема лингвистической безопасности личности, общества и государства не сводится к речевой деятельности «пещерных русофобов», маргиналов и агрессивных националистов. Лингвистическую угрозу таит в себе вся логосфера, окружающая современного русскоязычного человека, отражающая несовершенство социума, в политическом резервуаре которого он живет; охватывающая все социальное пространство, в немалой степени состоящее из ложных конструктов, симулякров, перевернутых фреймов, политических мифов.

Позволим себе небольшую ремарку дискуссионного характера относительно концепции русофонии, представленной президентом России. В.В. Путин говорил о «пещерных русофобах», объявляющих войну русскому языку. В последнее время в научной литературе и публицистике ожил термин «русофобия», широко бытовавший в патриотических изданиях эпохи перестройки (до перестройки его аналогом был, скорее, «антисоветизм») [Любимова, 2019: 10–16]. «В последние годы русофобия как идеологическая позиция снова стала ведущей тенденцией СМИ западного мира, который постулирует презумпцию виновности русских и тем самым совершает преступление против права... Русофобия – это основанное на исторических фальсификациях и политических инсинуациях принципиально отрицательное отношение к русским как этносу, к русской культуре, к русской цивилизации, к русскости как таковой», – пишет А.Н. Ильин в содержательно насыщенной статье «Русофобия как содержательно пустая идеологическая позиция Запада» [Ильин, 2018: 13].

Если эту содержательность представить сжато, получится, что мы, россияне, трижды нелюбимы: 1) как носители русской культуры, 2) как этнос, 3) как политико-экономическая модель общественного устройства. Три составляющие идеологической позиции автора требуют некоторых уточнений.

Во-первых, культурное взаимодействие русского и других европейских народов давно стало явлением хрестоматийным и эталонным. Золотые песчинки культурных обменов, из которых строилось золотое наследие совместной культуры, нельзя ни утаить, ибо в них генетически заложены архетипы народного сознания, ни разрушить, так как это будет одновременно самоубийственной практикой, саморазрушением, тем самым саморазрушением ребенка, говорящего с матерью на матерном языке.

Во-вторых, исключена сегодня и этническая русофобия. Если в конце XIX в. уважаемый в те времена исследователь (Г. Лебон, автор книги «Психология народов и масс») мог себе позволить искать соответствия между анатомическим строением черепа того или иного этноса и свойственными ему чертами характера, то после Второй мировой войны такой подход грозил вызвать только скандал. «После Освенцима нельзя писать стихов» (Т. Адорно). После разгрома фашизма в западном мире наступает эпоха толерантности, прежде всего расовой и национальной.

В-третьих, что касается политической и экономической модели, которую выбрала современная Россия, тут действительно просматриваются серьезные расхождения с Западом. В основе этих экономических противоречий лежит геополитический метаконфликт Запада с Россией. Национальный и клановый прагматизм, необходимость собственного выживания, сохранение высокого уровня жизни своих народов, при некотором снижении которого граждане незамедлительно выходят на улицы и вспоминают, что́ говорил Робеспьер в Конвенте в 1792 г. [Tous dans la rue..., 2011: 9], – задает западным интеллектуалам и политикам определенный тон в отношении России. Доминирует в этой западной риторике неприятие курса российского руководства, направленного на укрепление российского единства и защиту национальных интересов.

Можно ли назвать эту комплексную систему воздействия русофобией? Думается, нет. Дважды нет. Во-первых, как мы видели, в ней принципиально не может быть «русскости как таковой» по законам постнюрнбергского мироустройства. Во-вторых, в ней нет фобии, потому что фобия как иррациональный страх и устойчивое переживание относится к эмоциональной сфере сознания; отношение же к России строится на холодном расчете, оно рационально, прагматично: это, скорее, плод картезианского сознания западного человека в эпоху постмодерна.

Если вернуться к «лингвософии» Г. Гусейнова, породившей в 2019 г. яростную полемику, то она богата еще одним высказыванием: «Язык, из которого вынуто удивление: черт побери, а мир-то населен более умными и человечными людьми, чем я и мои соотечественники, как же так?»[9]. Конечно, Г. Гусейнов дипломатично добавляет, что имеет в виду не язык в целом, а «клоачников», которые пользуются этим языком, – средства массовой информации, политиков, юристов, сотрудников правоохранительных органов, «которые измываются, глумятся над языком».

Если бы в свое время «крошка сын к отцу пришел», т.е. Г. Гусейнов узнал бы от своего отца, советского филолога Ч. Гусейнова, изучавшего, в частности, двуязычное художественное творчество в советской литературе, основные идеи ленинско-сталинского языкознания, он сформулировал бы свою мысль четче: не отдельных «клоачников», а надстройку общества, порожденную базисом, – «политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения»[10]. Но вместо «марксистской четкости» Г. Гусейнов представил склонение прилагательного «клоачный».

---

[9] *Гусейнов Г.* Клоачный бес в очажном дыму // Эхо Москвы. 2019. 3 ноября. URL: https://echo.msk.ru/blog/statya/2531039-echo/ (дата обращения: 09.11.19).

[10] *Сталин И.В.* Марксизм и вопросы языкознания // Правда. 1950. 20 июня.

Если перейти с языка «клоачного» на метаязык постмодерна, то очевидно, что Г. Гусейнов говорит не о так называемом *интерлингвистическом диссонансе*, который означает непроницаемость друг для друга разных языков в условиях несовпадения языковой картины мира народов (что осознается, например, в процессе перевода одной текстуальной системы в другую), а об *интралингвистическом дискордансе* как невозможности межкультурной коммуникации, несостоятельности диалога цивилизаций, ограниченности пределов их взаимодействия.

В этом отношении следует признать, что сегодня Россия и большинство стран западного мира действительно говорят на разных языках, язык социального взаимодействия пока не выработан. Современный западно-российский дисторданс имеет своей метапричиной неэквивалентность политических структур и социальных механизмов двух типов общества. Как известно, в западноевропейских странах исторически сложилось государство-нация, основанное на гражданском обществе. В России гражданского общества так и не возникло; современное российское общество можно было бы определить как посттрадиционное. Конфликт двух типов культур, выросших на разной языковой матрице, может быть осмыслен на каузальном уровне социально-политической интерпретации как ценностная разнонаправленность идеологий традиционного (посттрадиционного) и гражданского общества.

Смысловые реалии современного российско-западного коллапса рассмотрены нами ранее: 1) семантика политического механизма легитимности власти, 2) семантика экономических процессов, 3) азбука социальных протестов, 4) правозащитный нонсенс, 5) символика конспирологии [Шульц, Любимова, 2017]. Сегодня все они обрастают новыми коннотациями. Рассмотрим это на примере «азбуки социальных протестов». Приведем две сопоставительные позиции.

Первая – вынесенный Лионским судом оправдательный приговор двум французским активистам, срывавшим со стен мэрии портрет президента Франции Э. Макрона. В своем решении судья признал, что сам предмет (портрет) имеет лишь символическую (а не материальную) ценность, поэтому штраф за порчу имущества неуместен. По мнению судьи, двадцать активистов, ворвавшихся в здание мэрии, лишь «очень умеренно» нарушили общественный порядок, и подобное отношение к главе государства может считаться допустимым (“une interpellation légitime du président de la République”)[11].

Сопоставительная позиция – приговор одному из фигурантов так называемого московского дела, Павлу Устинову, за участие в несанкционированной акции протеста. Всплеск общественного негодования, вызванный этим приговором, связан с тем, что обвиняемый, по его собственному утверждению и по свидетельству многих участников, не участвовал в акции, а лишь стоял в стороне. Таким образом, ему могла инкриминироваться только несанкционированность мероприятия, за которым он наблюдал. Однако сама санкционированность этой несанкционированности может быть поставлена под сомнение. В открытом письме председателю Конституционного суда РФ В.Д. Зорькину от юристов-государственников по поводу массовых беспорядков в Москве летом 2019 г. напоминаются правовые позиции Конституционного суда РФ, выработанные при рассмотрении разных дел, в частности постановление Конституционного суда от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина»[12]. Основные правовые позиции, которые напомнил Конституционный суд РФ (реагирование публичной власти на подготовку и проведение акций должно быть нейтральным; публичные власти должны проявлять толерантность по отношению к мирным собраниям; для ограничения политических выступлений должны быть веские причины; исполнение мер безопасности не может быть самоцелью и не должно создавать скрытые препятствия для реализации

[11] LeMonde. 2019. 16 сентября.
[12] Новая газета. 2019. 17 сентября.

свободы мирных собраний), ставят под сомнение законность вынесения обвинительных приговоров только на основании несанкционированного характера мероприятия, в котором было принято участие. Других оснований для привлечения к уголовной ответственности Павла Устинова, видимо, не было.

Таким образом, говоря литературным (не «клоачным») языком, для лионских активистов предусмотрены «Дороги свободы» (Ж.-П. Сартр), а московскому фигуранту инкриминируется преступление (и наказание), и это уже не диссонансы межкультурной коммуникации, а международный коллапс.

Феноменология современного российского социального протеста (в отличие от среднезападного) заключается в следующем: российское правосудие склонно выносить обвинительные приговоры даже за участие в акциях с требованиями законности (если эти акции не санкционированы и по другим поводам); западное правосудие имеет установку на оправдание даже нигилистических протестных действий (в случае отсутствия явного физического ущерба другим лицам), рассматривая их как манифестацию духа республиканизма или демократизма.

Поэтому эпитетом «клоачный» Г. Гусейнов, по-видимому, «награждает» не столько русский язык, сколько современное российское социально-политическое устройство в целом, его внутренний разлад, сшибку политических дискордансов и социальных диссонансов. «Клоачный» русский язык – это язык, разрушающий сам себя, один из конструктов современного российского общества, подверженного «эрозии тех ценностных оснований (веры в исторический прогресс)», на которых строились социальный порядок и социальное знание [Гудков, 2012] и о которых с тревогой пишут социологи. Ж.Т. Тощенко назвал современное российское общество «травмированным обществом»: «Россия представляет собой травмированное общество, которому присущи взаимоисключающие ориентации и установки. В развитии этого общества противоречиво сочетаются попытки половинчатой и непоследовательной реставрации некоторых социальных традиций и норм жизни со стремлением следовать принципам рыночного фундаментализма и либерализма в русле “европейской цивилизации”, но модифицируя их на особый лад, с учетом его специфической евразийской ориентации» [Тощенко, 2017: 73]. По мысли исследователя, у общества травмы отсутствует ясная стратегия и понимание перспектив развития, а также активные творческие созидательные силы – «акторы коллективного действия»; для него характерны ничем не оправданный рост социального неравенства и конвертация ресурсов власти в капитал. Травмированное российское общество говорит на травмированном русском языке. Следует ожидать, что процесс возрождения русского языка начнется одновременно с возрождением российского общества, с новым позитивным вектором его социодинамики.

Добавим, Г. Гусейнов посетовал также, что из русского языка «вынуто удивление» происходящим. Действительно, язык умеет удивляться, и не только удивляться. Лингвопрагматика располагает инструментарием, позволяющим использовать материальное могущество слов. Для иллюстрации этого могущества Р. Дебрэ приводит слова с эффектом «скипетра» («отпускаю вам грехи» и т.д.), слова с эффектом «плацебо»: «Существует нечто, что один позитивист назвал *эффектом плацебо*, действующим при чудесном исцелении от приложения к образу или от наложения рук, при talking cure у психоаналитиков, или когда шаман своими заклинаниями облегчает роды у роженицы» [Дебрэ, 2010: 184]. Эффект-скипетр, эффект-плацебо, эффект-знание и др. – это манифестации принципа эффективности языка, его иллокутивной силы, которая восходит к древней магии заклинаний и устремляется в будущее с помощью слов – кванторов будущности. Наделенный этой иллокутивной силой язык, подобно своему носителю – homo lingual – обретает способность информировать, созидать, предвосхищать, анализировать, объединять, смеяться, молчать.., а также – в духе диалектики – разрушать, разъединять, таить, лгать, манипулировать, кричать [Шульц, Любимова, 2019б: 11]. Язык умеет также удивляться. Если использовать схему генеративной (порождающей) грамматики Н. Хомского, то на уровне

поверхностной структуры языка это удивление передается многочисленными языковыми средствами (от вопросительных и восклицательных частиц до знаков препинания), а на уровне глубинной структуры – это вербально выраженная когнитивная эмоция, возникающая при появлении неожиданной ситуации или отклонения от нормы.

В категориях этой науки, которая изучает язык, но отнюдь не является лингвистикой (а «металингвистикой» М.М. Бахтина; «транслингвистикой» Ю. Кристевой), можно высказать гипотезу, что русский язык возродит в себе способность удивляться, – но удивляться гармонии национального бытия, а не его дискордансам и диссонансам, что позволит в дальнейшем сказать, как это сделал президент России на встрече с рабочей группой по подготовке поправок в Конституцию РФ: «Русский язык – это фундаментальная ценность нашей страны, государствообразующий фактор, безусловно, и язык межнационального общения»[13].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белинский В.Г. Собр. соч. в 9-ти т. Т. 6. М.: Худ. лит-ра, 1981.

Бросса А. Невыговариваемое // Мир в войне: победители/побежденные. 11 сентября глазами французских интеллектуалов. М.: Прагматика культуры, 2003.

Выготский Л.С. Психология. М.: Апрель ПРЕСС; ЭКСМО-ПРЕСС, 2002.

Гудков Л. Доверие в России: смысл, функции, структура // Новое литературное обозрение. 2012. № 5(117). С. 249.

Гуриев С., Цывинский О. Ratio economica: Первая среди равных // Ведомости. 2012. 06 ноября. № 3224.

Дебре Р. Введение в медиологию. М.: Праксис, 2010.

Ильин А.Н. Русофобия как содержательно пустая идеологическая позиция Запада // Информационные войны. 2018. № 4. С. 13–19.

Кара-Мурза С.Г. Объединение народа как условие восстановления державы // Информационные войны. 2007. № 3. С. 9–13.

Любимова Т.М., Данилова А.А. Лингвистическая безопасность личности, общества и государства в модусе лингвоконфликтологии // Национальная безопасность. 2014. № 2. С. 328–337.

Любимова Т.М. Противостояние России и Запада: русофобия или информационное моделирование в условиях геополитического коллапса? // Информационные войны. 2019. № 1. С. 10–16.

Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М.; Л.: Учпедгиз, 1932.

Рождественский Ю.В. О современном положении русского языка // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1995. № 3. С. 117–129.

Тощенко Ж.Т. Травма общества: между эволюцией и революцией // ПОЛИС. Политические исследования. 2017. № 1. С. 72–75.

Шульц В.Л., Любимова Т.М. Интерлингвистический диссонанс и интралингвистический дискорданс в ракурсе социологии // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 129–139. DOI: 10.7868/S0132162517110149.

Шульц В.Л., Любимова Т.М. Классовая борьба во Франции: социальный протест в неомарксистской интерпретации // Социологические исследования. 2019а. № 10. С. 27–38. DOI: 10.31857/S013216250007108-1.

Шульц В.Л., Любимова Т.М. Язык как конструкт реальности и сверхреальности. М.: Наука, 2019б.

Durand Ch. La langue française: atout ou obstacle. Réalisme économique, communication et francophonie au XX siècle. Toulouse: Presses universitaires de France, 1997.

Tous dans la rue. Le mouvement social de l'automne 2010. Paris: Seuil, 2011.

Статья поступила: 16.01.20. Финальная версия: 21.09.20. Принята к публикации: 11.01.21.

[13] Путин назвал русский язык одним из государствообразующих факторов // ТАСС. 2020. 13 февраля. URL: https://tass.ru/obschestvo/7755799 (дата обращения: 14.09.2020).

RUSSIAN SOCIETY AND LINGUISTIC CONSIDERATIONS

SCHULZ V.L.*, LIUBIMOVA T.M.

**Lomonosov Moscow State University, Russia*

Vladimir L. SCHULZ, Correspondent Member of Russian Academy of Sciences, Head of Department, Lomonosov Moscow State University (cona01@yandex.ru); *Tatiana M. LIUBIMOVA, Dr. Sci. (Philos.), Cand. Sci. (Philol.)* (t.ljubimova@yandex.ru). *Both – Moscow, Russia.*

Abstract. The article analyzes social reasons (particularly, polarization and radicalization in the society) for the degradation of modern Russian language; it also sets forth different forms of verbal aggression (obscenities, invective) as the language phenomena that bear the information about the life of the society. Radicalization of the children's speech in the native language environment is considered as one feature of the linguistic situation in contemporary Russia; the article also considers linguistic safety of a person, society and state, points out that linguistic threat comes from logo sphere that surrounds Russian-speakers today and covers a great part of social space that incorporates false constructs, simulacra, reverse frames, political myths. Phenomenon of the discordance between Russia and the West is shown as a dialogue between civilizations that failed, being based on unequal political structures and social mechanisms of the two types. Also, the article analyzes one of the components of this phenomenon, i.e., phenomenology of contemporary Russian protest as compared to the Western one.

Keywords: Society polarization, society radicalization, intercultural communication, social protest, invective, obscenity, linguistic worldview, language devaluation, verbal aggression, linguistic safety, intralinguistic discordance.

REFERENCES

Belinsky V.G. (1981) *Collected Works* in 9 vols. Vol. 6. Moscow: Khud. lit-ra. (In Russ.)

Brossa A. (2003) Unpronounced. In: *World at War: Winners/Losers. September 11 as it Seen by French Thinkers*. Moscow: Pragmatika kultury. (In Russ.)

Debray R. (2010) *Introduction to Mediology*. Moscow: Praksis. (In Russ.)

Durand Ch. (1997) *The French Language: Asset or Obstacle. Economic Realism, Communication and Francophony in the 20th Century*. Toulouse: Presses universitaires de France. (In Fr.)

Guriyev S., Tsyvinsky O. (2012) Ratio Economics: First among Equals. *Vedomosti* [Gazette]. November 6. No. 3224. (In Russ.)

Ilyin A.N. (2018) Russophobia as Empty of Content Ideological Position of the West. *Informatsionnye voiny* [Information Wars]. No. 4: 13–19. (In Russ.)

Kara-Murza S.G. (2007) People's Consolidation as a Precondition of the State Restoration. *Informatsionnye voiny* [Information Wars]. No. 3: 9–13. (In Russ.)

Lyubimova T.M. (2019) Confrontation of Russia and the West: Russophobia or Information Modeling in the Conditions of Geopolitical Collapse. *Informatsionnye voiny* [Information Wars]. No. 1: 10–16. (In Russ.)

Lyubimova T.M., Danilova A.A. (2014) Linguistic Security of a Person, Society and State within the Modus of Linguistic Conflict Studies. *Natsionalnaya bezopasnost* [National Security]. No. 2: 328–337. (In Russ.)

Piaget J. (1932) *The Language and Thought of the Child.* Moscow; Leningrad.: Uchpedgiz. (In Russ.)

Rozhdestvenskiy Yu.V. (1995) On the Current State of the Russian Language. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya [Moscow University Philology Bulletin]. No. 3: 117–129. (In Russ.)

Shultz V.L., Lyubimova T.M. (2017) Interlinguistic Dissonance and Intralinguistic Discordance in Terms of Sociology. *Sotsiologicheskie issledovanya* [Sociological Studies]. No. 11: 129–139. DOI: 10.7868/S0132162517110149. (In Russ.)

Shultz V.L., Lyubimova T.M. (2019a) Class Warfare in France: Neo-Marxist Interpretation of Social Protests. *Sotsiologicheskie issledovanya* [Sociological Studies]. No. 10: 27–38. DOI: 10.31857/S013216250007108-1. (In Russ.)

Shultz V.L., Lyubimova T.M. (2019б) *Language as Reality and Hyperreality Construct.* Moscow: Nauka. (In Russ.)

Get Everybody out on the Street. The Social Movement of Autumn 2010. (2011) Paris: Seuil. (In Fr.)

Vygodskiy L.S. (2002) *Psychology*. Moscow: Aprel PRESS; EKSMO PRESS. (In Russ.)

Received: 16.01.20. Final version: 21.09.20. Accepted: 11.01.21.